

Е. Л. Гальперина

МЯТЕЖНАЯ ЖИЗНЬ АЛЕКСЕЯ РАДАКОВА

Глава III. РАБОТА В «САТИРИКОНЕ»⁴

Издателем «Сатирикона» был тот же М. Г. Корнфельд¹, о котором Алеша рассказывал, что он был человеком довольно культурным, но малоинициативным и не даровитым. Крестным отцом журнала, т. е. человеком, давшим ему имя, был Алеша. *<Он играл также самую активную роль, когда убеждали Корнфельда закрыть «Стрекозу» и создать журнал нового типа. Примеч. Е. Л. Гальпериной>* Он рассказывал, что вопрос о названии нового журнала очень долго и бурно дебатировался его сотрудниками. Предлагались самые разные названия, которые вслед за тем отвергались сотрудниками. Наконец за неимением лучшего все согласилось на название «Лукоморье» (в дальнейшем под этим названием стал выходить другой журнал²). Затем было подано заявление в соответствующие органы о разрешении на издание нового журнала под названием «Лукоморье».

Вскоре после этого Алеша, которому это название не нравилось, ехал куда-то на извозчике, продолжая размышлять на эту же тему. И вдруг его осенила идея. Он вспомнил Петрония и его «Сатирикон» и тотчас же загорелся мыслью о том, что новому журналу следует дать название «Сатирикон». Вероятно, своим энтузиазмом он увлек за собой не только других сотрудников, но и Корнфельда — от названия «Лукоморье» отказались и с середины 1908 г. стал выходить журнал «Сатирикон».

Редактором нового журнала первое время был А. А. Радаков³, который был также последним редактором «Стрекозы»⁴. Кажется, еще в период существования «Стрекозы» произошло знакомство Алеша с Аркадием Аверченко, с которым он очень быстро сошелся и который в дальнейшем стал редактором «Сатирикона».

О своем знакомстве с Аверченко Алеша рассказывал так: «Однажды я, как обычно, сидел в трактире, из которого было видно всех, кто входил в помещение редакции журнала⁵. Вижу, идет какой-то высокий, красивый господин. Я пригласил его в трактир. Он рассказал мне, что до этого работал в Харькове, где издавал какой-то юмористический журнал (кажется, «Штык»⁶), в котором как тексты, так и рисунки (дилетантские) принадлежали

---

⁴ **Для цитирования:** Гальперина, Е. Л. Мятежная жизнь Алексея Радакова. Глава III. Работа в «Сатириконе» [Текст] / Публикация, вступ. статья и примечания В. Д. Миленко // Гуманитарная парадигма. 2019. № 4 (11). С.31–44.

его перу. Он принес с собой рассказ для журнала. Мне Аверченко с первого раза понравился, я сказал, чтобы он оставил рассказ, я его прочту и дам ответ. Когда он пришел в следующий раз, я сказал ему, что рассказ мне понравился и будет напечатан. Я предложил ему также постоянную работу в нашем журнале, но так как у нас было только одно вакантное место, а именно место конторщика с жалованием 30 руб. в месяц, на обязанности которого лежало писание адресов на бандеролях для журнала, рассылавшегося подписчикам, то я и предложил ему это место, добавив, что одновременно он сможет сотрудничать для журнала. Аверченко с радостью принял это предложение. Конечно, адреса для бандеролей он писал недолго, вскоре стал постоянным сотрудником журнала, а потом и редактором «Сатирикона»⁷».

Рассказывал Алеша еще следующий эпизод из времен первоначального сотрудничества Аверченко в «Стрекозе». Как-то раз Алеша поручил ему написать рецензию на какую-то пьесу, которая шла где-то на Васильевском острове, кажется, на открытой сцене. Аверченко принес вовремя своей фельетон, написанный остроумно и блестяще. А потом выяснилось, что спектакль, кажется, вовсе и не состоялся, т. к. был дождь, или что-то в этом роде.

С Аверченко Алеша очень быстро сошелся, так как у них было очень много общего в отношении темперамента, стихийной талантливости, жизнерадостности и размаха. Алеша всегда выражал восхищение талантом Аверченко и считал его замечательным юмористическим писателем. Однако эти дружеские отношения никогда не распространялись на сферу интимной личной жизни. Тут, по-видимому, очень многое их разделяло. Аверченко, по словам Алеши, был человеком очень талантливым, но малокультурным, и к тому же вкус у него был обывательский. У него не было чутья к новому, своеобразному в литературе и искусстве. К тому же он, прежде всего, был делец — то, чем Алеша не был ни в какой мере. Поэтому если Алеша при оценке того или другого вновь появившегося дарования исходил прежде всего из его оценки, то Аверченко прежде всего исходил из критерия тиража журнала, т. е. вкуса широкой читающей публики. А эта широкая читающая публика, как всегда и везде, не любит ничего нового, «из ряда вон выходящего». И «Сатирикон», между прочим, получал неисчислимое количество ругательных писем по поводу рисунков Алеши, по поводу стихов Маяковского и т. п.

Не нравилось Алеше также, по-видимому, слишком элементарное отношение Аверченко к женщине. Алеша мне как-то говорил, что Аверченко с ним откровенно говорил на эту тему, рассказывал ему о «своих женщинах», но я, сказал Алеша, ему о «своих женщинах» никогда ничего не рассказывал.

В ту пору, когда я познакомилась с Алешей, то есть в 1915 г. — когда я в течение почти целого года почти ежедневно заходила к нему то в кафе «Ампир»⁸, то в какое-нибудь другое ему подобное место, я порой видала его с Ре-Ми⁹, с Олд’Ором¹⁰, Азовым¹¹ и пр., но ни разу не видала его с Аверченко (это, конечно, не значит, что они не встречались ежедневно в журналах и других местах). Не видала я также Аверченко ни разу в «Бродячей собаке» или в «Привале комедиантов», где Алеша бывал постоянно. Возможно, что к этому времени Аверченко, зарабатывавший громадные деньги, уже не вращался в кругах той богемы, с которой Алеша никогда не порывал отношений.

В редакции «Сатирикона». 1909 г.

Сидят (слева направо): неизвестный, Аркадий Аверченко, Алексей Радаков, Александр Котылёв, Александр Куприн. Стоит Анатолий Каменский.

О дальнейшей судьбе Аверченко Алеша рассказывал следующее: Аверченко, как известно, после Октябрьской революции эмигрировал, как впрочем и огромное большинство ведущих сотрудников «Сатирикона», кроме Алеши... Через несколько лет после этого к Алеше приехал, кажется, Еремин¹² (не помню точно фамилии, но редактор одного из сатирических журналов периода 20-х годов) и сообщил ему, что Ленин читал один из вышедших за границей сборников рассказов Аверченко — кажется, «Осколки разбитого вдребезги» <поверх названия сборника вписано «Двенадцать ножей в спину революции»¹³> и поручил ему предложить Аверченко вернуться в Россию. Еремин попросил Алешу написать Аверченко письмо с приглашением

вернуться в СССР. Алеша письмо это написал. В ответ от Аверченко было получено письмо, в котором между прочим заключались слова «не заманите».

С глубоким сожалением рассказывал Алеша о трагической смерти Аверченко, последовавшей вскоре за этим, хотя он был человеком далеко еще не старым. Жил он, кажется, в то время в Белграде¹⁴. Умер от какого-то кровоизлияния, причем до этого ослеп. Ослеп он следующим образом¹⁵. Когда он жил еще в Петербурге, он как-то находился в отдельном кабинете какого-то ресторана и, услышав шум в коридоре, подошел к двери кабинета, чтобы узнать, в чем дело. В этот момент в результате какого-то пьяного дебоша, происходившего в коридоре, кто-то кулаком ударил в стеклянную дверь кабинета, и осколки разбитого стекла попали Аверченко в глаз. Зрение на этот глаз Аверченко потерял, и врачи советовали ему глаз этот удалить, чтобы это не отразилось отрицательно на другом глазе. Аверченко, однако, по-видимому, по эстетическим причинам на это не согласился. По-видимому, результатом этого и была полная потеря зрения в дальнейшем. Весть о его слепоте и смерти, дошедшая до Алеши, глубоко его опечалила. С ним были связаны воспоминания о лучших годах молодости и, главное, о работе в самом его любимом детище — в «Сатириконе».

Приступая к рассказу о работе Алеши в «Сатириконе», я просто не знаю, с чего начать. Алеша часто говорил, что напишет воспоминания о «Сатириконе» и, конечно, только он сам и мог бы рассказать об этом так, как это нужно. А ведь из этой троицы, которая руководила «Сатириконом», а потом «Новым Сатириконом», он был «последним из могикан». Аверченко умер уж давно. Ре-Ми, который, кажется, еще жив, после Октябрьской революции уехал за границу и все последние годы живет в Америке¹⁶. Ему, конечно, не до воспоминаний о «Сатириконе».

Из других сотрудников, которые могли бы много написать о «Сатириконе», Н. Э. Радлов¹⁷ умер в начале 1943 г. Заходил как-то ко мне Пустынин¹⁸, который в течение многих лет был секретарем «Сатирикона» и мог бы много написать о нем, и, во всяком случае, персонально об Алеше. Он во время своего посещения сказал мне, что хочет писать книгу об Алеше, и попросил меня подобрать кое-какие материалы. Зная, что Алеша действительно много лет работал с Пустыниным и хорошо к нему относился (он всегда называл его «Пустышка», и они были на ты), я выполнила его просьбу, он взял подготовленные мной материалы, но больше не пришел. Возможно, что в издательстве или в издательствах, в которые он обращался, сочли эту тему «несвоевременной». Ведь со смерти Алеши прошло «всего 5 лет» — гораздо спокойнее и значительно менее рискованно писать о тех, кто умерли сто или даже двести лет тому назад. А что к тому времени, а, вероятнее

всего, уже через 5–10, максимум 15 лет, не останется уже абсолютно никого из современников, из тех, кто видел, знал, работал с этим большим художником — какое дело до этого всем этим перестраховщикам. Ведь имя Алеши остается неразрывно связанным с «Сатириконом», журналом, справедливой и серьезной оценки которого до сих пор старательно избегают. Ведь когда после смерти Алеши Игорь Грабарь¹⁹ в некрологе, предназначенном для тбилисской «Зари Востока»²⁰, написал, что он был одним из создателей этого <зачеркнуто: левого (не помню точно термина, который он тогда употребил: «левый» или «революционный»)»> воинствующего сатирического журнала, революционная роль которого давно уже выяснена и оценена, то редакция газеты характеристику направления журнала вычеркнула. Левый или даже просто радикальный характер «Сатирикона» до сих пор нашей официальной историографией не признается.

В Малой Советской энциклопедии «Сатирикон» характеризуется следующим образом:

«Острая политическая направленность сатирических журналов 1905 г. сменилась в “Сатириконе” культурой изысканного остроумия и эстетизма с налетом либеральной оппозиции. Находясь под влиянием мюнхенского журнала “Симплициссимус”²¹, “Сатирикон” не достиг его художественного и политического значения. “Сатирикон” был лишен политической смелости, круг его тем узок и ограничивался осмеянием обывателя. В 1913 г. почти все “старые сатириконцы” ушли от издателя и основали другой “Новый Сатирикон”, выходящий до 1918 г. С ликвидацией буржуазной печати большинство сотрудников “Сатирикона” оказалось в эмиграции».

Со слов Алеши я знаю и представляю себе «Сатирикон» несколько иначе. В течение многих лет это был единственный сатирический журнал, помещавший антиправительственные политические карикатуры. Что они не могли быть столь яркими, как карикатуры, помещавшиеся в «Симплициссимусе», это бесспорно — чтобы понять причину этого, достаточно сравнить царский режим периода 1908–1917 г. с режимом кайзеровской Германии, который, по сравнению с царским, был либеральным.

Со слов Алеши знаю, что номера журнала часто конфисковывались, а еще чаще журнал облагался штрафами, что едва ли может быть понятно, если он действительно занимался только «осмеянием обывателя».

А вот что писал еще в 1909 г. известный художник и художественный критик А. Бенуа²², делая такое же сопоставление между «Симплициссимусом»

и «Сатириконом», как и Малая Советская энциклопедия, но приходя к совершенно иным выводам:

«О чем-нибудь совершенно тождественном у нас нельзя и думать. И, во-первых, у нас уже не одна палка шуцмана, а учреждена такая сложная система принудительного молчания, что нужно лишь удивляться, как “сатириконцы” изворачиваются, чтобы дать волю и своей злобе и своему смеху. О, какую школу иезуитизма приходится им проделывать со всеми “инстанциями гласности”. О, на какие неожиданные требования натываются они со стороны Парки-цензуры, держащей свои ножницы все время направленными против них. О, как тяжело редактору и издателю под тысячью мечей, развешанных над их головами бдительной администрацией! О, какими веревками перетянуты их мускулы, о, каким клубком забиты их рты!

И при этом бессмысленность, нелогичность и прямо бессистемность всей этой системы! Если бы знать еще точно, что можно и что нельзя — тогда было бы полбеды. Но ведь именно этого-то у нас никто и не знает. С одной стороны, как будто и все дозволено, а с другой стороны, как будто и все запрещено. Что сегодня проходит безнаказанно и даже с одобрения, то завтра может сойти за государственное преступление. Что сегодня приказано видеть черным, то завтра следует считать белым. И приказы эти нигде не вывешены. Они вырастают, как грибы после дождя, или вернее, как в старинных пантомимах, — черти из-под пола, в самых неожиданных местах...

Думаю даже, что других причин того, что “Сатирикон” пока не угнался за “Simlicissimus’ом”, и не существует. Здесь все дело именно в режиме!.. Вся психология русского сатирического художника должна быть иная, нежели психология современного немецкого, французского, английского или итальянского художника... Ему не то чтобы одели намордник или посадили в конуру, но все же он и не на свободе... И вот под смехом Ремизова, Радакова, Юнгера, Аверченки и всего “Сатирикона”, как словесного, так и образного, сквозит какая-то печаль... Ведь то-то и курьез, что в царстве запрещений и молчания, в котором осужден существовать “русский Simlicissimus”, нет уложения, нет системы... Но окончательно тоскливо становится тогда художнику, когда ему не только запрещают одно и разрешают другое, а когда он сам никак не может узнать — что разрешено и что запрещено.

“Simlicissimus” выбрал эмблемой — бульдога²³... Эмблемой “Сатирикона” я выбрал бы цепного пса, который обступлен густой толпой злых детей, пьяных дворников, грубых городских и еще множества такого люда с пиками и вилами, только и ждущими, как бы прихлопнуть пса, как бы припугнуть его. Честь и слава этому псу, что он в этой обстановке не запуган, а оглядывает всех бодрым взором, может еще весело прыгать, громко лаять, а

иной раз он даже и укусит того или другого из обступающих лиц. Ну а большего от него и требовать нельзя. А дает все же “Сатирикон” на самом деле еще гораздо больше...

Несмотря на все запреты, он сумел быть обидным, оскорбительным, злым, но сумел еще, кроме того, быть красивым, и вот эта черта самая ценная и жизненная»²⁴.

Вот что понимал в период деятельности «Сатирикона» даже не политический деятель, а не искушенный в политике художник, и чего не хотят теперь понимать в историческом аспекте всякого рода «энциклопедии» и «исследователи».

Что касается художественного значения журнала, то оно настолько велико, что все современные советские карикатуристы, без всякого исключения (я это слышала лично от многих из них) учились на «Сатириконе», тщательно собирали и разыскивали комплекты «Сатирикона» и в течение долгих лет черпали из него темы, композицию и т. п. Я уже не говорю о том, что в свое время журнал пользовался большой популярностью и читался нарасхват.

Впрочем, в мою задачу здесь не входит ни изложение истории «Сатирикона», ни его развернутая оценка. Я могу только сказать, что «Сатирикон» и, конечно, «Новый Сатирикон» был любимым детищем Алеши, что он был связан неразрывными узами с его жизнью, с историей его жизни, его творчества, его духовного развития; что, говоря о своем прошлом, он всегда возвращался к «Сатирикону», а в своих рассказах-воспоминаниях больше всего говорил о нем. Он был не только инициатором идеи превращения журнала «Стрекоза» в новый по типу журнал «Сатирикон»²⁵, он был не только крестным отцом журнала в том смысле, что дал ему имя, но он, по-видимому, выдумал «эмблему» «Сатирикона» (толстый, веселый сатир), который часто фигурировал на рекламах журнала, который продавался в виде фигурок, в частности, в виде копилки (у нас была и сейчас хранится такая фигурка в виде копилки)²⁶.

О его любви к «Сатирикону» свидетельствует также и то, что, рисуя свои автопортреты, он почти всегда изображал около себя фигуру этого сатира — эмблему «Сатирикона». Именно с этой эмблемой он изображен на своем, на мой взгляд, лучшем автопортрете (в профиль), который висит у меня в комнате.

Чем объясняется эта любовь Алеши к «Сатирикону»? Я думаю, что причина этой любви не только в том, что этот журнал дал ему известность, что с ним связаны его молодость и полный расцвет его таланта, а главным образом в том, что в этом журнале он работал и творил так, как хотел

(конечно, в рамках существовавшей тогда цензуры). Никто не заказывал ему рисунков на определенные кем-то, данные ему темы. Он рисовал рисунки на собственные темы, а т. к. в отношении тем он вообще был неисчерпаем, то он давал большинство тем для журнала вообще. Насколько я помню, ОЛ Д'Ор в своих воспоминаниях²⁷ даже пишет, что множество рассказов Аверченко написано именно на темы, данные Алешей. У него были неисчерпаемые выдумка и фантазия, и он, не скупясь, делился их дарами с окружающими.

Помню, Алеша как-то мне рассказывал, что Балиев²⁸ (основатель «Летучей мыши»), будучи в Петербурге, во время завтрака с ним в каком-то ресторане сказал, что он охотно платил бы ему только за то, чтобы он ежедневно с ним завтракал, т. к. это дает ему массу материала и идей для его театральной работы. И вот в «Сатириконе» у Алеши не было хозяина (в особенности, когда был создан «Новый Сатирикон»): он рисовал, что хотел и как хотел, он писал стихи сатирические и лирические, иллюстрируя их своими рисунками. Я уверена, что если бы сейчас можно было бы издать хотя бы только эти стихи Алеши с его же иллюстрациями — это было бы большим событием в нашей художественной жизни. Но кто их издаст?

В бумагах Алеши я нашла какие-то отрывочные записки одного из бывших сотрудников «Сатирикона», которые, по-видимому, составляли подготовительный материал для книги, которую он собирался писать о «Сатириконе» (книга, по-видимому, так и не была написана, а дальнейшая судьба этого человека мне не известна). [Автор записок поэт Василий Князев. Он писал историю «Сатирикона», вернее, начал писать. В ЦГАЛИ имеется также письмо В. Князева, кажется, к Аркадию Бухову, где он об этом говорит. *Примеч. неизвестного*]. Записки эти, относящиеся к 1935 г., находятся в очень скверном состоянии — они залиты чернилами, частично изорваны²⁹, но все же то, что я сумела в них разобрать, достаточно интересно с точки зрения характеристики роли Алеши в «Сатириконе». Вот что говорится в этих записках:

«Сатирикон» был журналом преимущественно Радакова и Аверченко. Они давали ему тон. Они буйно-хохочущей неудержимо-стихийной одаренностью грозили захлестнуть его страницы одним своим, не знающим никаких преград и пределов, веселым смехом — смехом для смеха. Для этих вечно острящих и широко, заразительно хохочущих весельчаков не было ничего святого. Для красного словца не жалели матери и отца... К их дуэту присоединял свой распущенный, но необычайно одаренный голос... кабацкая затычка Е. О. Венский³⁰. Я должен оговориться: А. А. Радаков в этом трио был неизмеримо выше своих партнеров. В его альбомах и рисунках, в неисчислимом множестве ходящим по рукам после того, как был раскраден

в 1912 г. архив старого “Сатирикона” (в этих рисунках он наиталантливейше касался социальных тем). Даже в самом “Сатириконе”, где подобного рода материал цензура не очень-то пропускала, даже там проскальзывали изредка только его темы по таким вопросам. Кто знает, может быть, не будь цензурного гнета, художнику удалось бы преодолеть в себе аверченковскую натуру, обуздать свою момусовскую стихийную силу и стать величайшим современным художником-социологом. Помню и никогда не забуду его серии рисунков “Все мельчает”, “Притча о... (неразборчиво. — Е. Г.) будущего” и многих, многих других.

Но любить его рисунок не позволяла какая-то его стихийная (как и все в нем) неряшливость, недоделанность, не смею сказать “халтура”. Но когда, например, любишь тончайшими его иллюстрациями к сатириконской “Истории Средних веков”³¹ и сейчас же потом бросаешь взор на любой из его журнальных рисунков, невольно почему-то это проклятое слово приходит на мысль и язык.

А. А. Радаков — настоящий первоклассный художник. Если он просидит над вещью, сколько следует над ней просидеть, из-под карандаша его выходят неподражаемые шедевры. Например, подаренный мне автопортрет периода 1919 г. — трагизм осунувшегося похудевшего голодающего лица — неподражаем. А глаза?

В “Сатириконе” же это купающийся гиппопотам или слон. Прошу простить мне столь смело сделанное сравнение, но оно идеально правдиво. Именно купающийся слон: стоцветные брызги во все стороны или еще лучше — бегемот в посудной лавке... На эти слоновьи щедрые и бесполезные, увы!, брызги и фонтаны он тратил и продолжает тратить доселе бесценную свою одаренность и несравнимо высокий интеллект.

За всем прочим, однако, неряшливо его нарисованные рисунки драгоценны своим едва ли не впервые на Руси у нас заразительным весельем. Полистайте сатириконские комплекты!»

В другом месте тех же записок говорится:

«Выводы мои, между прочим, таковы: в “Сатириконе” был только один гигантище — Радаков. Все остальные (по сравнению с его одаренностью и

*Портрет Алексея Радакова работы
Юрия Анненкова. 1921 г.*

интеллектом) лилипуты. Следовало бы пристыдить крокодилцев³²— разве можно человека с такими заслугами перед искусством (сделал в полном смысле этого слова — Яковлева³³, Лебедева³⁴, Реми, Радлова и т. д.) держать на задворках? Нехорошо. Его надо привлечь к художественному руководству. “Крокодил” ведь похож на альманах — свалочное место для разнородного материала. А ведь Радаков превратил “Сатирикон” в монолит — систему, гармонию...».

Говоря об Алеше персонально, давая его характеристику, автор тех же записок пишет:

«Радаков (в ту пору) вечно грохочет, вечно острит. Он любит посещать рестораны, но он над виноградным вином хозяин и полновластный владыка, а не виноградное вино над ним!! Исключительно прекрасный человек и самый лучший из встреченных мной в жизни товарищей. Однако не очень-то любит амикошонство и фамильярность. Каким великолепным, полным сознания своего величия и моего полнейшего ничтожества, высокомерным взором подарил он меня в 1909 году, когда я однажды на темном заседании³⁵ осмелился назвать его “Ле Ша”³⁶.

— Милостивый государь, — величественно сказал он, — для кого-нибудь другого я может быть и мог бы быть кошкой, но для вас я прежде всего Алексей Александрович Радаков. Запомните это!!

К этому замечательному человеку я еще вернусь впоследствии. Кончу же эту запись о нем так: если бы жизни не было угодно столкнуть его с Аркадием Тимофеевичем Аверченко, он осчастливил бы нас теперь своими глубочайшими, широчайшими, по-европейски высокоталантливейшими, содержательнейшими социалистическими карикатурами.

Кстати, название журнала “Сатирикон” принадлежит ему. И первым редактором “Сатирикона” был он, а не Аркадий Аверченко. Правда, Аверченко, очень скоро перешагнув через секретарство и гиппопотамью тушу Радакова (кстати, чисто по-радаковски куда-то безвестно улетучившегося на неопределенное время в неопределенное место), Аверченко перешагнул через трон Радакова и надел на себя корону...

...Если Радаков был — стихия, то про Аверченко нечего и говорить. Впрочем, оба они были духовные братья. Оба вместе они способны были бы свалить могучим разрядом своей нечеловеческой творческой энергии не то что слона, но и Хеопсову пирамиду.

Если бы можно было бы одним словом исчерпать всю художницкую сущность Радакова в “Сатириконе”, я назвал бы его “Вакх” — Вакх юморосатирического рисунка».

В другом месте тех же записок мы читаем:

«Гигантище и гулливерище Алексей Александрович Радаков сурово вымуштровывал мировую знаменитость из бескорыстного виньеточника А. Яковлева... О Радакове я часто беседовал с Борькой Антоновским³⁷ и каждый раз при встрече обменивался словечком с Радловым (как Антоновский, так и Радлов, тоже уже давно в могиле. — Е. Г.), оба они иначе не говорят о Старичище (а также и Чуковский), как сняв почтительно шляпу и наклонив стан. Как бы ни был могуче (в потенции) одарен Аверченко, без Радакова он — пуф (как и Радаков без него, впрочем). Радаков был душой творческого дела, Аверченко — становым хребтом творчески-коммерческого предприятия.

Аверченко не создал ни одного отдела (проза без него грош с дырочкой), а Радаков создал — Радаковскую Академию художеств: Яковлева и др. Что такое Алексей Радаков — слепорожденные котята поймут лишь после выхода моих книг (если книги эти вообще смогут когда-нибудь выйти)³⁸».

Книга эта, как известно, не вышла и вряд ли когда-нибудь выйдет и поэтому вряд ли кто-нибудь, кроме людей, лично знавших Алешу (а их становится все меньше), и людей большой культуры, хорошо знающих историю русской общественной мысли и русского искусства (а их чрезвычайно мало), знают, «что такое Алексей Радаков».

Я привела выдержки из этих записок вовсе не потому, что считаю правильным все, что их автор пишет. Отнюдь нет. В частности, я считаю абсолютно неправильным его утверждение о якобы роковом (так у него выходит) влиянии Аверченко на Радакова, которое чуть ли не помешало Радакову стать тем художником, которым он мог бы стать. Алеша был слишком крупной творческой индивидуальностью, чтобы человек совершенно отличного душевного склада (а именно таким был Аверченко) и притом работавший в совершенно другой области искусства, мог оказать на него сколько-нибудь решающее влияние. Если Радаков действительно не дал всего того, что он мог бы дать, то это объясняется гораздо более глубокими личными и общими причинами, о которых я постараюсь сказать дальше.

Что касается неряшливости или небрежности, которыми якобы отличаются его журнальные рисунки, то я боюсь, что здесь автор путает особую широкую, импрессионистическую манеру письма с небрежностью или неряшливостью. Я по собственным наблюдениям знаю, как упорно и тщательно Алеша обычно работал над своими рисунками для журналов и думаю, что то, что автор счел за небрежность, является особенностью манеры, стиля, а вовсе не тем, что он называет, — халтурой. Это, конечно, не исключает возможность, что в некоторых отдельных случаях рисунки могли быть сделаны наспех, небрежно или халтурно. Однако это нужно считать

исключением, а вовсе не правилом, и вряд ли именно в «Сатириконе» таких рисунков было много.

Выдержки из этих записок я привела потому, что они, несмотря на отдельные свои ошибки, дают какую-то общую картину, рисующую при этом ярко и выпукло роль, которую Радаков играл в «Сатириконе».

Окончание следует

~

---

¹ Корнфельд Михаил Германович (1884–1973) — издатель журнала «Стрекоза» в 1904–1908 гг., «Сатирикона» — в 1908–1914 гг. Эмигрант. См.: Корнфельд, М. Г. Воспоминания / Публ. Л. А. Спиридоновой // Вопросы литературы. 1990. № 2. С. 268–280.

² «Лукоморье» — петербургский иллюстрированный литературно-художественный и сатирический журнал (1914–1916).

³ А. А. Радаков значится редактором в №№ 1–8 «Сатирикона» за 1908 год. С № 9 редактором значится А. Т. Аверченко.

⁴ «Стрекоза» — петербургский сатирико-юмористический еженедельник (1875–1908). В апреле 1908 года реорганизован в журнал «Сатирикон».

⁵ Ср.: «...редакция “Сатирикона” снимала помещение на Невском. <...> Редакция помещалась во втором этаже. В первом был ресторан “Византия”. Здесь всегда мы сживали потом с “сатириконцами”» (Пильский, П. М. А. Т. Аверченко // Последние известия. 1925. 17 марта).

⁶ «Штык» — харьковский сатирико-юмористический журнал (1906–1907). Большинство рисунков и материалов, действительно, принадлежали Аркадию Аверченко.

⁷ Сам Аверченко о своей быстрой карьере писал так:

«...поступил я в издательство “Стрекоза” писарем на важное и ответственное место, а именно — я писал адреса подписчиков для литографического размножения. Как кому нравится, но, по-моему, чистить ботинки гораздо веселее.

Писарем адресов я пробыл две недели. Вторые две недели я занимал должность секретаря редакции, на третьи две недели меня назначили редактором, а четвертые две недели я занимался тем, что уговаривал издателя закрыть старый, устаревший, тридцатилетний журнал «Стрекоза» и на его руинах возвести журнал новый.

Я извергал красноречие, как Везувий лаву. И я его уговорил. Мы уничтожили старушку “Стрекозу”. Похоронили ее. А на руинах возвели храм “Сатирикона”» (Цит. по: Аверченко, Аркадий. Автобиография // Аркадий Аверченко. Русское лихолетье глазами «короля смеха» / Сост., подгот. текстов, предисл., примеч. А. Е. Хлебиной, В. Д. Миленко. М. : Посев, 2011. С. 4).

⁸ Кафе «Амбир» в 1915 году открылось по адресу: ул. Садовая, 12 / ул. Итальянская, 23. А. А. Радаков жил по соседству, на Итальянской, 4 (в том доме, где в 1912–1915 годах работал литературно-артистический подвал «Бродячая собака»).

⁹ Ре-Ми (наст. имя Николай Владимирович Ремизов-Васильев, 1887–1975) — русский художник-карикатурист, плакатист, иллюстратор. Ведущий художник «Сатирикона» и «Нового Сатирикона». О его работе в журнале см.: Вульфина, Л. Б. Неизвестный Ре-Ми: Художник Николай Ремизов. Жизнь, творчество, судьба. М.: Кучково поле, 2017. С. 12–76.

¹⁰ Правильно: О. Л. Д'Ор. Псевдоним Оршера Иосифа Львовича (1878–1942) — известного прозаика-сатириконеца и новосатириконеца. Одним из немногих в редакции поддержал советскую власть.

¹¹ Азов — псевдоним Ашкинази Владимира Александровича (1873–1941), сатириконеца и новосатириконеца. Эмигрант.

¹² Вероятно, Еремеев Константин Степанович (1874–1931)— редактор «Крокодила» в 1922–1923 годах (журнал был приложением к «Рабочей газете»), большевик, крупный партийный и военный деятель.

¹³ Правильно: «Дюжина ножей в спину революции». Сборник был выпущен в 1920 году в Симферополе, в 1921 году с незначительными изменениями в структуре переиздан в Париже. С этим переизданием и ознакомился В. И. Ленин. О его заочной полемике с Аверченко см.: Хлебина, А. Е., Миленко, В. Д. Аркадий Аверченко: беженские и эмигрантские годы (1918–1925). М.: Изд-во «Дмитрий Сечин», 2013. С. 301–306.

¹⁴ Аркадий Аверченко умер не в Белграде, а в Праге. Действительно, от кровоизлияния и действительно перед смертью ослеп.

¹⁵ Е. Л. Гальперина со слов мужа пересказывает версию травмы глаза, полученной Аверченко еще в юности, в 1906 году, в Харькове.

¹⁶ Ре-Ми жил в США, где и скончался в 1975 году.

¹⁷ Радлов Николай Эрнестович (1889–1942) — известный русский и советский художник. По некоторым данным, соучредитель «Нового Сатирикона».

¹⁸ Пустынин (наст. фам. Розенблат) Михаил Яковлевич (1884–1966) — русский и советский поэт и писатель-сатирик, сатириконец и новосатириконец.

¹⁹ Грабарь Игорь Эммануилович (1871–1960) — русский и советский живописец, реставратор, искусствовед, музейный деятель, педагог. Был вместе с Радаковым в эвакуации, присутствовал и говорил речь на его похоронах в Тбилиси.

²⁰ Е. Л. Гальперина ссылается на некролог «Памяти А. А. Радакова» в газете «Заря Востока» от 15 июля 1942 года, который, по её словам, составлял И. Э. Грабарь. О «Сатириконе» в заметке говорится буквально следующее: «В 1905 году вместе с лучшими петербургскими художниками он (Радаков. — В. М.) создаёт воинствующий сатирический журнал “Сатирикон”». Дата создания журнала — ошибочная (правильно: 1908 год).

²¹ «Симплициссимус» (нем.«Simplicissimus») — немецкий сатирический еженедельник, издававшийся в Мюнхене (1896–1944). Эмблемой журнала был красный бульдог на чёрном фоне.

²² Бенуа Александр Николаевич (1870–1960) — русский художник, историк искусства, художественный критик, основатель и главный идеолог объединения «Мир искусства». Эмигрант.

²³ См. примечание 21.

²⁴ Цитируется статья А. Н. Бенуа «Выставка “Сатирикона”» из газеты «Речь» от 19 декабря 1909 года.

²⁵ Аркадий Аверченко утверждал, что идея смены названия «Стрекозы» принадлежала ему. См. примечание 7.

²⁶ Эмблему журнала — толстяка-сатира со свиным хвостиком — придумал в конце 1909 года не Радаков, а Ре-Ми.

²⁷ См.: Старый журналист [Оршер, И. Л.]. Литературный путь дореволюционного журналиста. М.; Л.: Госиздат, 1930. 142 с.

²⁸ Балиев Никита Федорович (наст. имя Мкртич Баян; 1877–1936) — актёр и режиссёр, конферансье, основатель и директор московского театра «Летучая мышь».

²⁹ Автор цитирует фрагменты главы «Радаков и Аверченко» из рукописи поэта-сатириконеца и новосатириконеца Князева Василия Васильевича (1887–1937). В 1930-х годах Князев работал над воспоминаниями о «Сатириконе», опубликовал фрагмент (см.: Седых, И. [Князев, В. В.]. Цемент «Сатирикона» // Литературный Ленинград. 1934. 8 июля. С. 4). Дальнейшую работу над книгой прервали арест в 1937 году и скорая смерть. Сегодня рукопись хранится в РГАЛИ, в личном фонде А. А. Радакова (Ф. 2041. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 1–10).

³⁰ Венский Евгений Осипович (наст. фамилия Пяткин; 18884–1943) — сатирический поэт, сатириконец и новосатириконец. Подробнее см.: Шевченко, Евгений. Евгений Осипович Пяткин (Евгений Венский): биография и штрихи к ней // Евгений Венский. В тылу и в окрестностях. СПб.: Juollukka, 2016. С. 189–216.

³¹ Речь идёт о коллективной книге сатириконцев «Всеобщая история, обработанная “Сатириконом”» (1910). Радаков иллюстрировал разделы «Средняя история» и «Новая история».

³² То есть коллектив «Крокодила», с которым Радаков сотрудничал с момента основания журнала.

³³ Яковлев Александр Евгеньевич (1887–1938) — русский график и живописец. Сотрудничал с «Сатириконом» с момента основания журнала.

³⁴ Лебедев Владимир Васильевич (1891–1967) — русский и советский живописец, график, мастер плаката, книжной и журнальной иллюстрации.

³⁵ Тёмное заседание — пятничные собрания редакции, на которых обсуждались темы рисунков, тематических номеров и т. д.

³⁶ Князев обыгрывает имя Лёша, произнося его на французский манер: le chat — кот. В то время была популярна афиша парижского кабаре «Le Chat Noir» («Чёрный кот»), выполненная Теофилом Стейнленом.

³⁷ Антоновский Борис Иванович (1891–1934) — русский и советский художник-карикатурист; сотрудничал с «Новым Сатириконом».

³⁸ Складывается впечатление, что Князев задумывал не одну книгу о «Сатириконе», а серию брошюр о наиболее заметных сотрудниках журнала.

~